

Рассчитывая на помощь передовых соседей, некоторые колхозы не заботятся о создании собственной кормовой базы.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Ну, вот я и догнал передовой колхоз. Теперь надо постараться не отстать...

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 19 10 июля (1489) 1957 ГОД ИЗДАНИЯ 36-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.



О ЧЕМ ШУМИТ ЦЕЛИННАЯ ПШЕНИЦА!

(Краткая запись несостоявшегося совещания представителей союзного Министерства сельского хозяйства, Министерства хлебопродуктов и некоторых строительных организаций по вопросу о готовности к уборке урожая на целинных землях Казахстана.)

КРОКОДИЛ. Я собрал вас, товарищи, чтобы сообщить важную новость. Многих из вас она, возможно, застигнет врасплох. Возьмите же себя в руки! Только что пришло сообщение... Как бы осторожнее его передать?.. Если вам не изменяет память, нынешней весной в Казахстане было засеяно более двадцати миллионов гектаров целинной земли. Сейчас на дворе июль, и... к нам идет, приближается новый урожай.

ГОЛОСА. Неужели приближается? Почему так быстро?

КРОКОДИЛ. Ну, я так и знал. Кому дурно, примите валерьянки... Лучше с бромом. Да, это так! На целинных землях уже зреет, наливается пшеница. И эта пшеница, представьте себе, шумит, волнуется.

ГОЛОСА. А чего, собственно, ей волноваться? Придет время — уберем, вывезем...

КРОКОДИЛ. Оказывается, есть причины волноваться. Подумайте сами. До сих пор в республике не отремонтирована добрая треть комбайнов. Мало того, только сейчас спохватились и обнаружили, что не хватает нескольких тысяч комбайнеров. По всему видать, и те, кто ремонтирует комбайны, и те, кто должен позаботиться о комбайнере,— все они действуют по старинке: не светило, не грело, да вдруг припекло. А когда уже припекло, стали затылки почесывать.

ГОЛОСА. Напрасно вы про нас такое... Мы к встрече товарища Урожая в общем и целом, можно сказать, готовы...

КРОКОДИЛ. В общем и целом? А в частности? В частности что получается? Урожай в Казахстане, а где находится трос, необходимый для сцепа комбайнов и для изготовления тракторных волокуш? В Баку, в тресте «Азнефть»! Урожай в Казахстане, а подшипники где? В Минске! То-то же! Опять-таки запасные части к машинам. Они все еще на бесчисленных базах Тракторосбыта. Словом, получается, что сани в Казани, а хомут на базаре. Снабженцы, видимо, ждут, когда совсем припрет, и тогда они начнут пересылать подшипники, ремни, полотна для комбайнов, головки блока на самолетах. В прошлом году так и было. Спускайтесь-ка на землю, товарищи снабженцы! Довольно витать в облаках... В буквальном и переносном смысле...

ГОЛОС С МЕСТА. Есть предложение послать поздравительную телеграмму Управлению капитального строительства Министерства хлебопродуктов. Там...

КРОКОДИЛ. Ничего не понимаю! Повода для такой телеграммы пока как будто нет. Они построили едва лишь одну восьмую часть зерноскладов, а из ста сушильно-очистительных башен готовы только двадцать четыре. Чему же тут радоваться? С чем поздравлять?

ТОТ ЖЕ ГОЛОС. Оно, конечно, дела с подготовкой к приемке нового урожая в Казахстане обстоят, выражаясь мягко, не совсем благополучно. Строители, а с ними и уполномоченные из министерства, говоря образно, дрейфуют среди недостроенных объектов. Только что из министерства туда вылетело тридцать пять человек. Во главе с начальником управления Кольчуком и его заместителем Черезовым. Будут выводить из дрейфа.

КРОКОДИЛ. Что ж, вы хотите, чтобы мы послали им телеграмму с пожеланием успеха в этой операции? Признаться, я подобную телеграмму с бо́льшим удовольствием послал бы несколько месяцев назад, в январе, например...

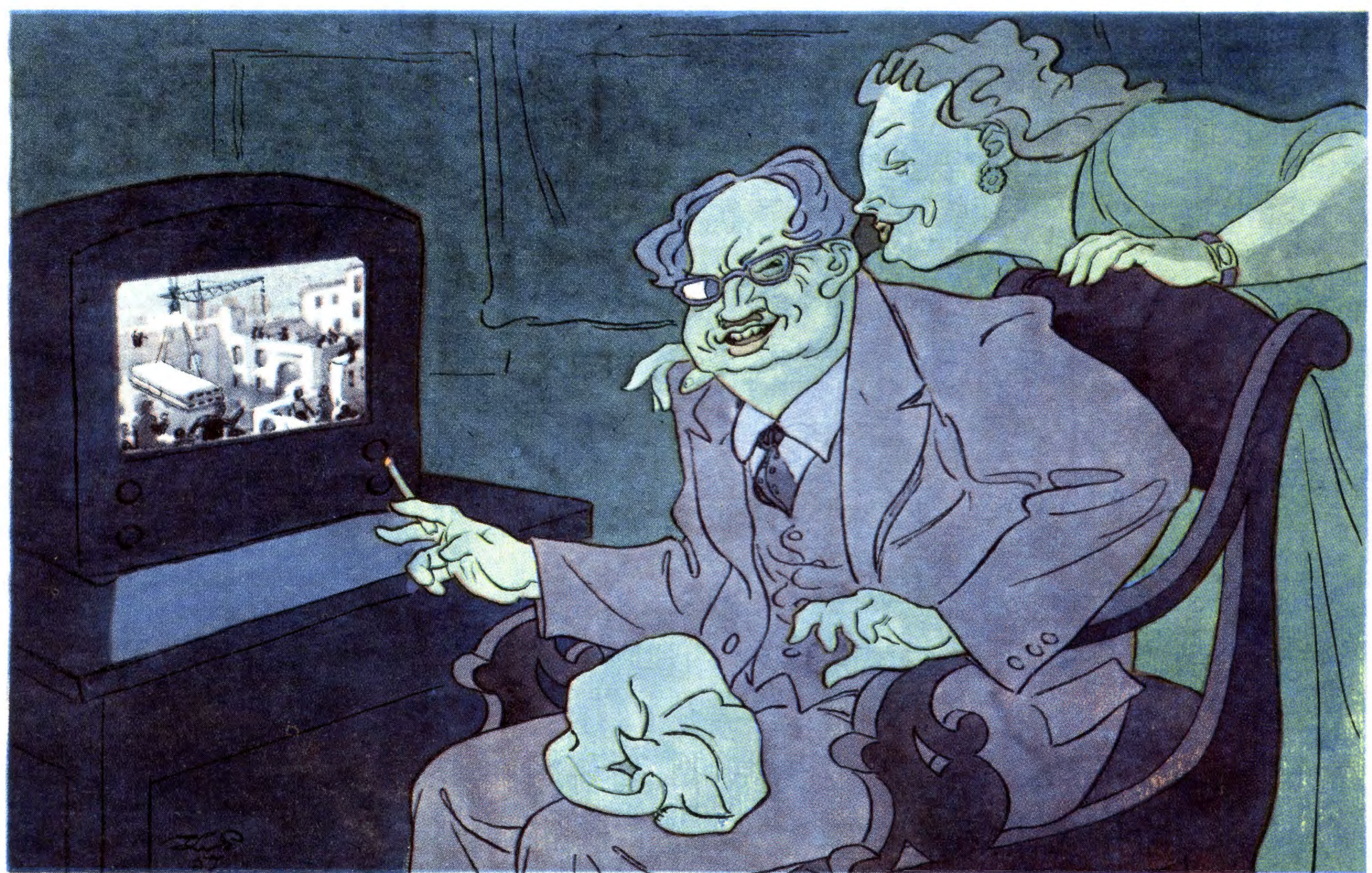
ТОТ ЖЕ ГОЛОС. У них по другому случаю большой праздник. Они только что проводили в Кокчетавскую область пятнадцать строителей. Понимаете, что это значит? Пятнадцать человек! И теперь им осталось завербовать и отправить в Казахстан всего каких-нибудь 7 985 строителей. Так что без телеграммы не обойтись.

КРОКОДИЛ. Спасибо вам... Я на одной телеграмме уже чуть было не опростоволосился. Узнал, что петропавловскому тресту «Элеватормельстрой», которым управляет В. А. Гайдар, за перевыполнение плана вручается переходящее Красное знамя Северо-Казахстанского обкома партии и облисполкома, и, знаете, обрадовался. Собрался было телеграмму послать, в стихах. И начал я только выводить: «Хвалю вас за чудесный дар, строитель бравый, В. Гайдар»,— как выяснилось, что у Гайдара действительно обнаружился чудесный дар... на приписки. На миллион триста тысяч рублей приписал он невыполненных работ. Третий год строит он и не может достроить элеватор. На Кондратовском заготпункте сушильно-очистительная башня готова... на два процента, а на Сулинском пункте — и того меньше: на один процент. Урожай между тем на носу. Так что тут не до поздравительных телеграмм. Тревогу надо бить! Целинной пшенице, выходит, есть отчего шуметь и тревожиться.

В заключение хочу напомнить старую поговорку: «Всяк умен: кто сперва, кто опосля». Вот тем, кто крепок задним умом, кто запоздал, кто задержался, остается посоветовать... Впрочем, о том, что им можно посоветовать, догадаться не так уж трудно.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ



— Пусть теперь кто-нибудь скажет, что я не общаюсь с массами!

ТРЕБУЕТСЯ ПЕРО ХОРОШЕГО ПИСАТЕЛЯ

(ГАЗЕТНЫЙ РОМАН В ПИСЬМАХ)

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателей «Крокодила» газетный роман в письмах обязан своим появлением легкомысленному поступку Павла Николаевича Романова из города Винницы.

Офицер в отставке, в прошлом военный журналист, П. Романов написал очерк об одной семье рабочего-коммуниста и имел неосторожность направить его в редакцию газеты «Правда Украины».

В редакции республиканской газеты к очерку и его автору отнеслись внимательно и оперативно.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

«Уважаемый Павел Николаевич!

...Материал «Рабочая душа» в таком виде для нашей газеты не подходит... Здесь требуется перо хорошего очеркиста или писателя. С приветом.

Зав. отделом партийной жизни «Правда Украины» А. Семенов».

ПИСЬМО ВТОРОЕ

«Уважаемый товарищ Белогуров!

В начале апреля я послал в редактируемую Вами газету очерк о замечательной семье рабочего-коммуниста... Я с волнением ждал мнения о своем труде. 14 апреля я получил письмо из редакции...

...Прочитав письмо, я решил, что приедет писатель, встретится со мной, поговорит и в соавторстве со мной напишет более квалифицированный очерк... Сейчас я узнал, что писатель приезжал с фотокорреспондентом и, не встретившись со мной, уехал.

П. Романов, офицер в отставке.

гор. Винница».

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

«Уважаемый Павел Николаевич!

Сегодня получил Ваше письмо и полностью разделяю Ваше возмущение бестактностью двух журналистов нашей редакции — тт. Семенова и Лимонова. Чтобы не только осудить данный факт, но и сделать его назидательным для других, мы огласим Ваше письмо с комментариями редколлегии на очередной летучке. Вам же выразим благодарность за услугу газете в виде гонорара. Дело тут, конечно, не столько в деньгах, как в официальном признании Вашей услуги газете, а значит, и ее читателям.

Приношу Вам извинения за бестактные поступки членов коллектива, которым я руковожу.

С уважением.

Ответственный редактор газеты «Правда Украины» И. Белогуров».

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

«Дорогой Крокодил!

Получив письмо тов. Белогурова, я мысленно представил себе, какой разнос учинил редактор своим бестактным сотрудникам.

К сожалению, мне осталось неизвестным, какие комментарии были сделаны редколлегией по моему письму, но результаты редакторского внушения не замедлили сказаться.

В газете «Правда Украины» был опубликован очерк. Тот самый очерк о рабочем-коммунисте. Под заголовком «Большая семья». Однако под ним стояла подпись не моя, а... одного из «бестактных журналистов» — гр. Лимонова.

Чтобы убедиться в этом, положите рядом мою рукопись и очерк Лимонова. Сравните.

У меня было сказано: «Степан Карпович беспокойно посматривает на высокую, стометровую трубу, из которой негусто поднимается дым какого-то ядовитого, желтоватого цвета».

У Лимонова написано: «Степан Карпович беспокойно посматривал на высокую, стометровую трубу, из которой негусто поднимался дым какого-то ядовитого, желтоватого цвета».

У меня: «Теперь, пожалуй, на всех суперфосфатных заводах будут строить такие печи. Значит, и мы кое-что внесли в технический прогресс».

У Лимонова: «А теперь на всех суперфосфатных заводах будут строить такие печи для сжигания колчедана. Значит, вложили внинчание кое-что в технический прогресс химической промышленности».

У меня: «Ни одного слова жалобы не услышал Степан Карпович от своей жены...»

У Лимонова: «Ни одного слова жалобы не услышал Степан Карпович от своей жены...»

И т. д., и т. п.

Дорогой Крокодил! Я не сомневаюсь, что после опубликования моего письма редактор «Правды Украины» тов. Белогуров снова ответит: «Чтобы не только осудить данный факт, но и сделать его назидательным для других, мы огласим Ваше письмо с комментариями редколлегии на очередной летучке» (см. ответ Белогурова от 29 апреля 1957 года).

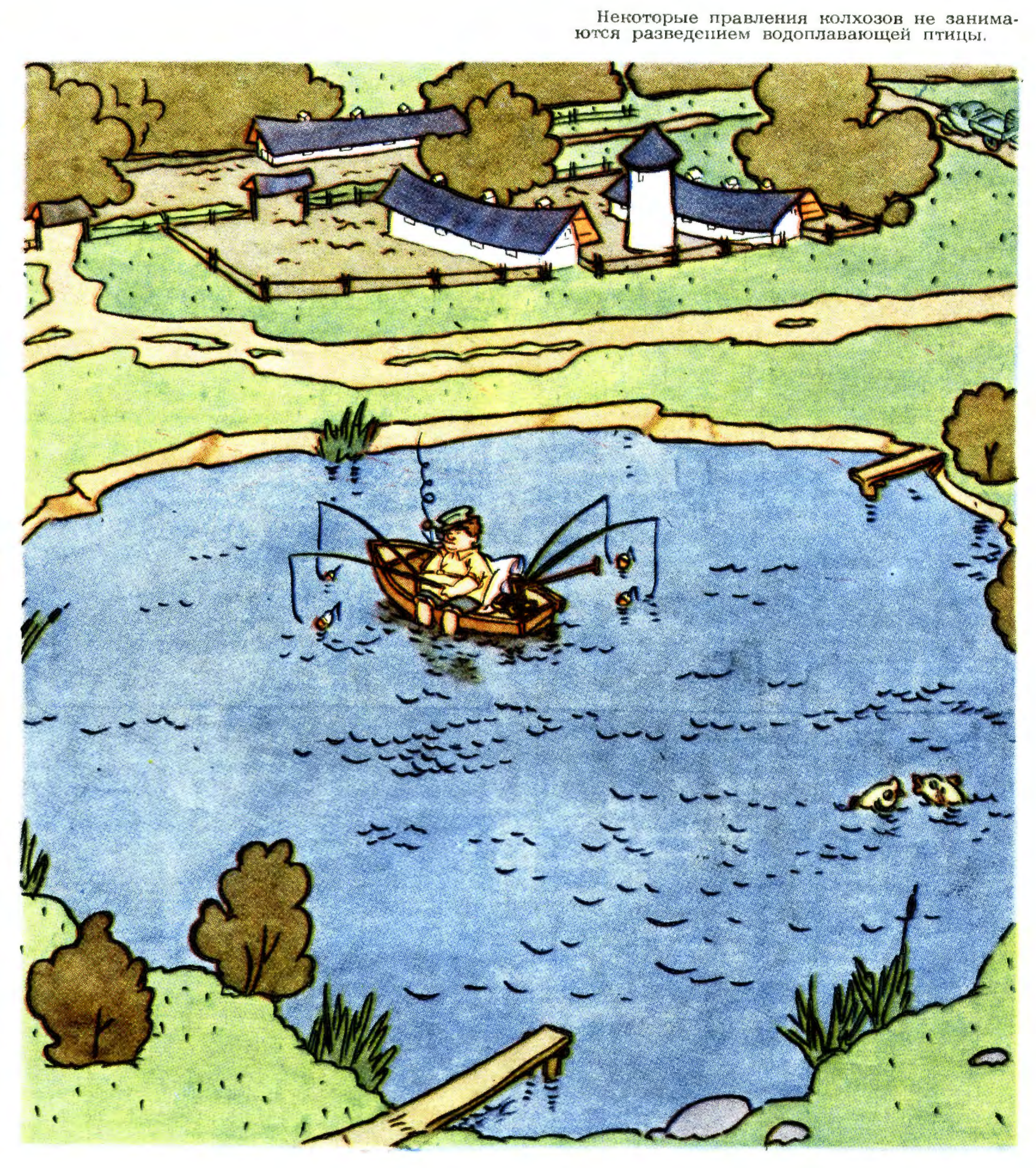
Было бы неплохо, чтоб на этот раз тов. Белогуров подробнее изложил комментарии редколлегии. Они очень пригодятся автору будущего очерка об истории моего очерка. Тут уж действительно требуется перо хорошего писателя.

П. Романов.

г. Винница».

Рисунок А. ВОЛКОВА из журнала «ВОЖЫК».

Некоторые правления колхозов не занимаются разведением водоплавающей птицы.



НА ВСЕ ОЗЕРО ОДИН ГУСАК.





Шиворот-навыворот





Недоразумение началось с шутки. На третьем часу репетиции студенческого самодеятельного коллектива Владимир Ленский устал и вместо того, чтобы спеть «Куда, куда вы удалились...», спел:

Вот умру я, умру я.
Похоронят меня...

Изменение, внесенное Ленским в текст оперы, было встречено веселым хохотом. Дирижер постучал по пюпитру и сказал студентке, исполнявшей роль Ольги:

— Пока Ленский отдыхает, давайте повторим арию из первой картины.

Ольга вышла вперед, откашлялась, но вместо того, чтобы приступить к пению, стала держать речь.

— А что,— сказала она,— если нам вместо настоящей оперы подготовить к капустнику шуточную?

— А это как понимать?

— Давайте петь шиворот-навыворот, как пел сейчас Ленский.

Случилось так, что предложение Ольги, которую, как известно, даже Пушкин считал существом легкомысленным и ветреным, было встречено всеобщим одобрением. Обновление текста и музыки «Евгения Онегина» шло таким интенсивным образом, что через две недели состоялся показ спектакля.

Зрительный зал полон. Раздаются звуки знакомой музыки. Поднимается занавес, а на сцене творится нечто непонятное. Ларина поет почему-то не свою арию, а арию Сильвы:

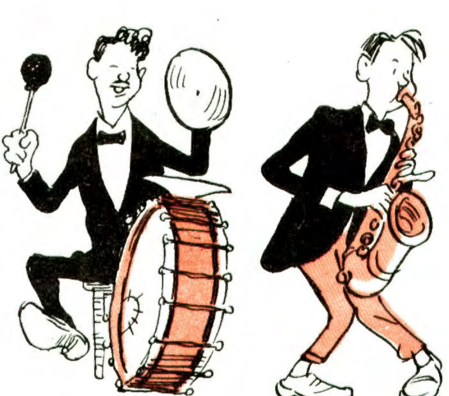
Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?

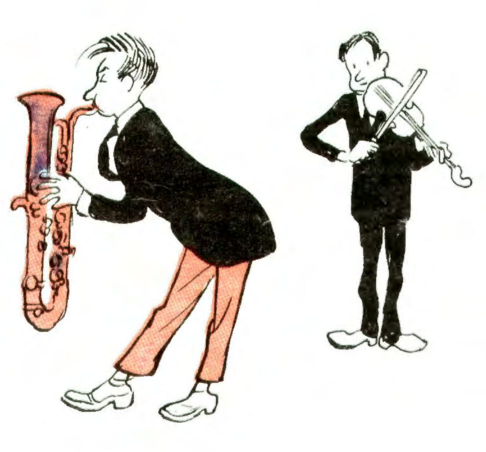
Татьяна просит няню:

Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?

А няня в ответ поет:

Мы на лодочке катались,
Золотистый, золотой...





Перетасовки арий в опере были очень неожиданны. Зрители смеялись над одной нелепостью, над второй. А нелепостям не было конца. И когда наконец в последней картине Онегин вместо своего знаменитого ариозо спел Татьяне:

Так будьте здоровы,
Живите богато,—

чувство самой настоящей неловкости охватило многих из присутствующих. Люди не понимали, для чего было подготовлено такое представление.

— Как для чего? — оправдывались участники спектакля.— Для смеха, чтобы повеселиться. Это же капустник!

Такое оправдание мало кого удовлетворило. Директор института был сконфужен больше других. Ему, директору, хотелось сейчас же собрать у себя в кабинете студентов и объяснить всю их бестактность. Подвергнуть «Евгения Онегина» перекройке, и все это только «смеха ради»?!

Предполагаемый разговор в этот вечер, однако, не состоялся. В последнюю минуту директор пожалел студентов. Зачем-де портить им капустник? И разговор был перенесен с субботы на понедельник. Потом на пятницу, снова на понедельник...

Так прошел месяц, второй. Неудача со студенческим капустником начала уже забываться, как вдруг в комитете комсомола раздался неожиданный телефонный звонок. Секретаря комитета просили немедленно явиться в райком комсомола, и не одного, а вместе с постановщиком оперы.

— Запоздалый гром,— сказал секретарь комитета.

А постановщик добавил:

— Теперь начнется проработка.

И членам комитета стало жаль участников капустника.

«Ну, хорошо,— думали они,— сделали ребята ошибку: допустили бестактность и к Татьяне Лариной и к сестре ее Ольге. Так ведь это не злостная ошибка, а случайная. Стоит ли через два месяца после происшествия подвергать ребят проработке?»

Участники капустника отправились в районный комитет одной большой компанией. Вместе грешили, вместе и отвечать. Пришли и остановились перед дверью заведующего сектором культуры. Войти внутрь неловко. Еще бы, самое Ларину не пожалели! Старуху заставили петь легкомысленные куплеты. Но тенора и баритоны робели зря. Завсектором Гоша Лисицын оказался молодым радушным человеком. Он вышел из-за своего стола и, широко улыбаясь, двинулся навстречу гостям:

— Привет оперным реформаторам! Так это вы, значит, поставили «Евгения Онегина» в новом оформлении?

«Реформаторы» переглянулись, покраснели, и кто-то из них сказал:

— Да, мы. Но мы больше не будем.

— Почему? — удивился Лисицын.— Райком просит вас в порядке подготовки к фестивалю выступить со своим представлением в Доме культуры.

— А вы видели наше представление?

— Лично не видел, но мне рекомендовал его знакомый прораб из Жилпромстроя, а он человек со вкусом.

Но случилось так, что человек со вкусом тоже не видел представления.

— Мне хвалила его Агния Ивановна, директор мебельного магазина.

А так как Агния Ивановна воздавала похвалы тоже с чьих-то чужих слов, то неудавшаяся «шутка» оказалась включенной в программу молодежного вечера явно по недоразумению. Студентам следовало отказаться от выступления в Доме культуры. А студенты не отказались.

— Неудачное представление! А так ли оно неудачно? — стали говорить тенора и баритоны.— Может, это кажется только нашему директору?

И вот наступает день молодежного вечера. Зрительный зал полон. Действие только-только началось, а зрители уже в полном недоумении. Зрители видят на сцене знакомую семью Лариных и не узнают ее. Приезд Ленского и Онегина выглядел так:

Ольга. Чу! Подъезжает кто-то...
Ленский. Мы приехали сюда!
Ах, здрасьте!
Онегин. Добрый вечер, господа!
Ах, здрасьте!

Представление в Доме культуры продолжалось тридцать минут. И что только за это время не успели пережить несчастные персонажи оперы! Их заставляли петь не свои арии и не своими голосами, танцевать фокстроты...

Водитель автобуса Попков, автор письма в нашу редакцию, не дождался конца представления и пошел к работникам Дома культуры, чтобы узнать: неужели им нравится то, что они показывают зрителям? А работники ругают Гошу Лисицына:

— Мы надеялись на его вкус, а он даже не видел того, что включил в программу!

— Я советовался с прорабом из Жилпромстроя, — сокрушенно говорит Гоша Лисицын.— Может, слышали, зовут его Григорий Александрович...

Если бы завсектором культуры пришел за музыкальным советом не в Жилпромстрой, а к кому-нибудь из преподавателей того же института, то никакой ошибки не произошло бы. Преподаватель рассказал бы, как в действительности студенты ведут подготовку к фестивалю молодежи. Педагогический институт готовит концерт из оперных отрывков, в том числе и из «Евгения Онегина». Причем настоящего, а не трансформированного. И поют в этом «Онегине» те же студенты, которых он, Лисицын, поставил сейчас в ложное положение перед зрителями.

«Но настоящий «Онегин» вряд ли заинтересовал бы Гошу Лисицына. И знаете почему? — спрашивает автор письма в редакцию.— Настоящий «Онегин» — это «не фестивально».

«Не фестивально» — это новый термин из лексикона Григория Александровича и Агнии Ивановны, а вот саксофон, по их мнению, «фестивально».

Два года назад в Педагогическом институте был организован струнный квартет. В репертуаре квартета — Бородин, Чайковский, Шостакович. А Гоша Лисицын морщится. Он предложил включить в состав квартета два саксофона и барабан.

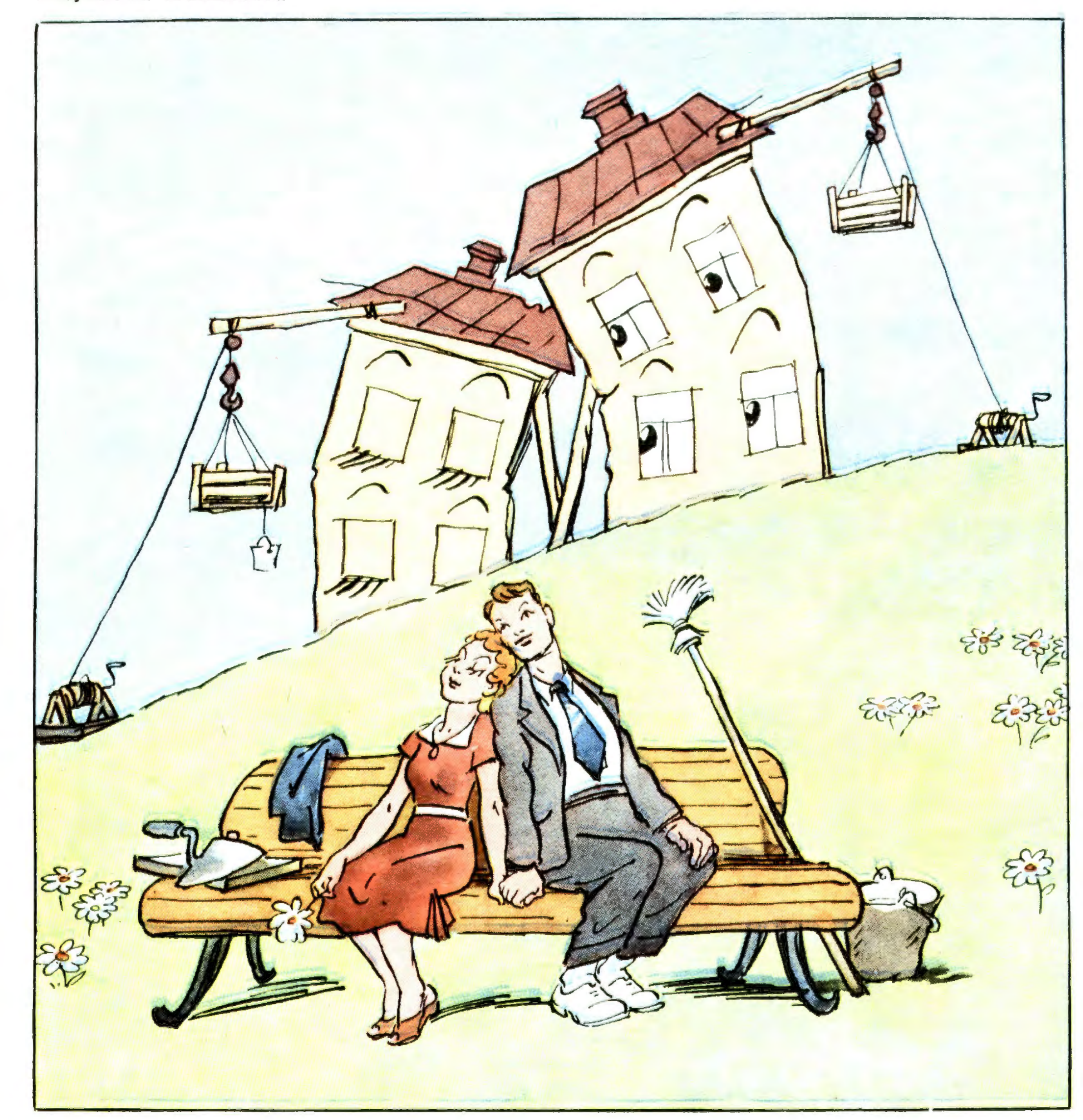
— Будете играть танцы. Танго, падеграс, блюзы.

И все это по той же причине: это, мол, «фестивально».

Мы не против нового термина, нужно только договориться о правильном понимании этого слова. «Фестивально» прежде всего должно означать ярко, красочно, содержательно. Десятки оркестров будут играть на фестивале: симфонические, народные, духовые, джазовые. Сотни песен на всех языках мира будет петь молодежь, тысячи танцев танцевать, и все это с огоньком, весело. Но давайте предупредим Гошу Лисицына. Весело — это вовсе не значит «шиворот-навыворот», как пытаются убедить его доморощенные советчики.

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.



РЕМОНТНАЯ ЛИРИКА

Рисунок А. КРЫЛОВА.

Указ «Об ответственности за мелкое хулиганство» зачастую нарушается: отбывающие наказание не используются на физических работах.



НОВОЕ МЕСТО ОТДЫХА

— Я в милиции прибавил три килограмма!
— А я пять!
— Так ведь ты просидел пятнадцать суток, а я десять...

Варвара КАРБОВСКАЯ

В СТО ПЕРВЫЙ РАЗ



Наверно, раз сто, если не больше, наши веселые художники-карикатуристы рисовали эту печальную картинку: в переполненном вагоне метро или в автобусе сидит этакий дюжий малый с самодовольным видом, а перед ним, согбенная грузом по крайней мере семи десятилетий, стоит старушечка или женщина, еще не старая, но с тяжелой сумкой. Она стоит, а он сидит, и ему хоть бы что!

Редакторы уже отказываются от таких рисунков: надоело, примелькалось, а что касается Крокодила, то у него навязло в зубах.

Но факты остаются фактами, хотя надо сказать правду, таких уродливых становится все меньше. Например, я каждый день езжу по Горьковской линии метро и вижу всегда одно и то же, очень приятное: девушки и юноши, студенты, что едут со станции «Сокол», веселые и шумливые или сосредоточенные и мрачноватые (зачеты, экзамены), почти никогда не садятся; стоят в проходах, уступая место тем, кто постарше. А уж когда, забыв о вежливости, какой-нибудь второкурсник сидит, вперив отсутствующий взгляд в стоящую перед ним старушку, то это значит, что он подавлен только что полученной двойкой или неразделенной любовью. И если со второй причиной смириться еще как-то возможно, то первая давит тяжким грузом. Поэтому он и не в силах подняться со своего места, этот кающийся, но непрощенный двоечник...

Но сегодня мне еще раз хочется вернуться к печальной картинке. Может быть, в последний раз...

Час «пик» давно отшумел, и в вагоне было просторно. Все сидели, кроме нескольких девочек, которым хотелось поскорее подрасти, и одной женщины с утомленным лицом: для нее не нашлось свободного места.

Прямо перед ней, слегка развалясь на сиденье и растопырив ноги в сандалиях, расположился мужчина в соломенной шляпе. На вид ему было около тридцати, и он мог бы служить рекламой для пищевой промышленности:

«Если вы хотите быть атлетами, питайтесь свиными отбивными котлетами!»

Он сидел, а она стояла, терпеливая, усталая. Смотреть со стороны на эту картину было до того неудобно, что один из пассажиров, пожилой человек, не выдержал и встал:

— Прошу вас, садитесь. Вот мы говорим о благоустройстве города. А некоторые подчас забывают, что вежливость — это одно из лучших украшений. Ну, как, например, не уступить место женщине?

На это сейчас же откликнулись другие пассажиры:

— Что ж вы-то уступаете? Есть и помоложе.

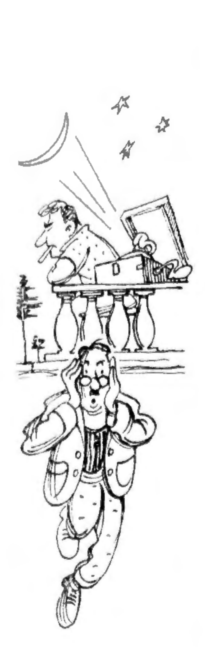
Кто-то шутя сказал:

— Равноправие!

Кто-то сердито ответил:

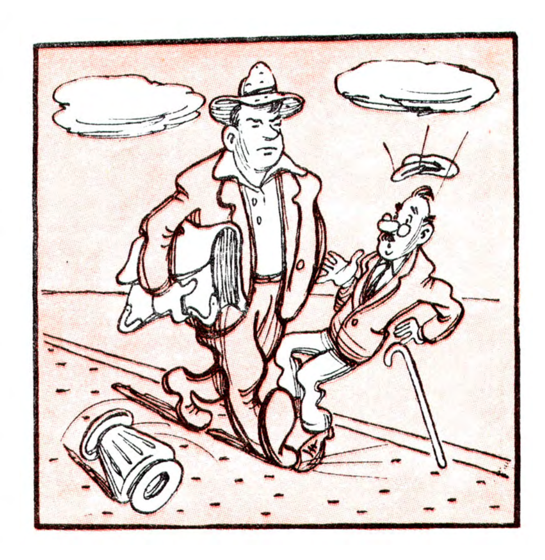
— Э, не передергивать! Наши женщины своими правами пользуются с честью. Но мужчины в физическом отношении все ж таки покрепче. Это даже по физкультурным нормам известно.

И поэтому, когда мужчина пропускает женщину вперед или уступает ей место, это красиво. А иначе получается безобразно.



Может быть, ему действительно пора было выходить на остановке, этому пассажиру в соломенной шляпе, а может быть, он вылетел пробкой потому, что ему не хотелось выслушивать справедливые выговоры, а встать и предложить свое место не позволял гонор и ложное самолюбие? Так или иначе, он вышел из вагона, а мы поехали дальше.

Женщина села рядом со мной, а потом мы вместе подымались по эскалатору. Нам было по пути, и мы разговорились. Вот что она мне сказала:



— ...Не знаю, может быть, только мне так везет, но этого типа я встречаю почти каждый день! То он в соломенной шляпе, то в кепке. Иной раз он помоложе, другой раз постарше. Иногда он даже не мужчина, а женщина. Но вид неизменно самодовольный, надутый, подчас даже нагловатый. Вы понимаете меня, я говорю не о том невеже, который ехал с нами, а о типе вообще. Я расскажу вам о своих встречах с ним.

...Представьте себе летнее утро, когда все кругом будто сговорилось, чтобы радовать вас: солнце — горячими поцелуями, ветерок — нежной лаской, деревья — приветливым шелестом, светофоры и милиционеры — заботой о гражданах, а сами граждане — безукоризненной вежливостью! Никто вас не толкает, и вы тоже, разумеется, никого не толкаете. Встречные держатся правой стороны, а на узких тротуарах и в толпе слегка сторонятся или поворачиваются так, чтобы вас не задеть. И вы тоже идете и никого не задеваете. В результате этой взаимной заботы друг о друге (незнакомый друг о незнакомом друге) даже в самые часы «пик» — никогда никакой давки, никаких неприятностей и грубостей. Наоборот, сплошные «извините», «спасибо большое», «будьте добры», «пожалуйста»...

Но вот появляется этот тип, и мгновенно гармония нарушена. Этого типа сразу можно узнать. Он движется по тротуару из расчета: себе попросторнее, на других наплевать! Если на его пути замешкался старик или ребенок, пусть катятся на мостовую! Он не имеет привычки уступать дорогу.

Вот вам еще пример: как известно, поезда метро идут через каждые три минуты. И нет в мире метрополитена удобнее и благоустроеннее, чем наш, московский. Но этот тип верен своему принципу: для себя, на себя и в себя. Он обожает свою спину. Он стремится создать ей все удобства, пусть хоть на протяжении десятиминутного переезда. Для этого он становится прямо перед вагонной дверью, из которой выходят пассажиры. Он отлично понимает, что тормозит движение, мешает людям, загораживает дорогу. Но он все-таки упорно стоит не с краю, а посредине, чтоб ворваться в вагон первому и пристроить свою обожаемую спину на удобном диване! И уж его с этого места, как вы только что убедились, не сколупнешь! Он будет сидеть с видом самодовольным и важным, дескать: «Имею право и сижу! Укажите мне такой закон, по которому я сидеть не имею права! Или такое постановление, где сказано, что женщине нужно уступать место. А уж если непременно нужно, то с какого возраста? И пусть предъявит паспорт!»

Или вот еще: я стою перед прилавком и покупаю — все равно что. Магазин большой, всем места хватит, товаров много. И вдруг я чувствую, что кто-то навалился на меня сзади, и напирает, и толкает, и устраивает давку. Могу не оборачиваться, безошибочно скажу: это он! Теснит меня и других, протягивает руку через мое плечо, говорит: «Поди-ка, не корову выбираете, поскорее!»,— а продавщице: «Подайте мне вон то с верхней полки!»,— хотя видит, что продавщица занята со мной...

В своей квартире он включает радио или проигрыватель на полную мощность. Недавно я шла по дачному поселку. Не было слышно ни птиц, ни кузнечиков. Над всем поселком гудел голос нечеловеческой силы: «Сердцу хочется ласковой песни и ха-арошей, ба-аль-шой любви»! Было похоже, будто великан с луженым горлом, одержимый желанием «ба-альшой любви», громогласно требует взаимности.

И я сразу поняла: это он перебрался на дачу или приехал в гости к знакомым, и, пока он тут, не будет ни покоя, ни тишины; а у кого хорошая, большая любовь, то и она будет отравлена...

Мы остановились на углу. Мне нужно было идти направо, моя собеседница дошла до своего дома. Но она еще не все сказала.

— Я живу в этом новом шестиэтажном доме. Мы так радовались, когда въехали в него! Все время было ощущение какого-то светлого праздника. Сдували каждую пылинку, боялись забить лишний гвоздь в чистые, гладкие стены. И вдруг засорился мусоропровод, а в ванной на белоснежном потолке появилось зловещее мокрое пятно... Конечно, я мгновенно догадалась: это он, подлец, поселился над нами! Ведь это только он не бережет ни вашего, ни моего, ни государственного! Открыл кран, а сам завалился спать: капать будет надо мной, а не над ним. А в мусоропровод навалил что-то непроходимое: коробок, ржавых кастрюль. Потом люди все это выгребали. А ему плевать! Не он будет выгребать, а другие...

Она посмотрела на меня вопросительно.

— Кто он? Как его зовут? Однажды я задала такой вопрос, а мне, знаете, что ответили? «Это хам!» Разве есть такое имя?

— Насколько я знаю, в библии упоминается. Хам, по отчеству Ноевич. Жил до потопа и после. Когда умер и вообще умер ли, неизвестно.

— Хам? Но ведь теперь никому не дают такого мерзкого имени! Уверяю вас, что ни в одном загсе не зарегистрируют ребенка... Хамом. Да и уменьшительное не придумаешь. Хамик? Хамуля? Гадость какая!

Мне захотелось вывести мораль, и я сказала:

— В первую очередь зависит от родителей, но, безусловно, и от всех нас, чтобы не только этого имени, но чтоб не было и клички. А если он еще жив, тот, что остался после потопа, то надо, чтоб он умер. Надо его общими усилиями закопать и вбить осиновый кол, все равно чем: фельетоном, рисунком, воспитанием или строгим постановлением.

Мы распрощались. А в это время набежала туча, и из нее запрыгал на землю крупный, быстрый, озорной летний дождь.

— Вот это уже безобразие! — обиженно крикнула девушка в белых босоножках и пышном платьице, укрываясь в подъезде.

Ну какое же это безобразие, милая девушка? Просто веселый дождик, который никому не испортит настроения.

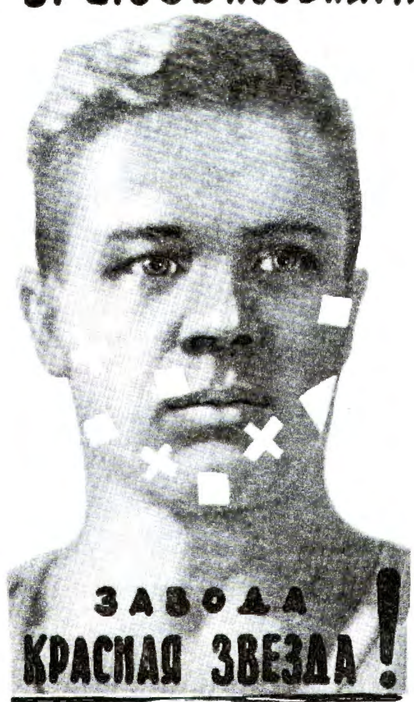
Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.



Говорят, дурной пример заразителен. Руководители некоторых торговых предприятий, расположенных по соседству с моим универмагом, так и норовят меня заразить. Аккурат в то самое время, когда по сезону им следует торговать с полной нагрузкой, они преподносят своей клиентуре разные лирико-эпические объявления: «Магазин закрыт на ремонт»; «Магазин закрыт на учет»; «Магазин закрыт на санитарный день» и так далее.

Но я лично брать с них пример не намерен. В частности, сегодня мой универмаг **открыт на учет.** Давай, любезный читатель, вместе разберем наши наличные товары, которые весьма разнообразны по ассортименту и единообразны по цене (см. заглавие).

Прежде всего признаюсь в порядке самокритики: я до сих пор как-то не уделял должного внимания торговой рекламе. И это совершенно справедливо отметил мой уважаемый читатель инженер В. Ефимов. Впрочем, не только отметил. Он любезно прислал для витрины нашего универмага собственноручно изготовленный рекламный плакат с завлекательным названием: «Я бреюсь только лезвиями завода «Красная звезда»!». Водружая этот плакат на самом видном месте, мы считаем излишним комментировать общеизвестную историю многолетней борьбы с бракоделами бритвенного фронта. Как говорится, факты «на лице»!



А теперь приступим собственно к учету. С чего желаете начать? С трикотажного отдела? Пожалуйста, можно и с трикотажного...

Берем в руки детскую распашонку. Высокохудожественный цветной ярлык с изображением летящей ласточки. А на ярлыке — гордая фабричная марка: «Укрглавтрикотаж. Трикотажна фабрика № 1. Чернівці». Эту симпатичную распашонку купила в поселке Суксун, Молотовской области (вон куда залетела быстрокрылая ласточка!), гражданка В. Шишкина. Купила, нежно простирнула в теплой воде и ахнула. На ее глазах свершилось необъяснимое трикотажное чудо...

И в самом деле, что произошло с габаритами младенческой униформы? Гляжу, прикидываю на глаз и недоумеваю: в длину каверзная распашонка «усохла» по крайней мере вдвое, а в ширину... Батюшки-светы, как раздалась! Чуть бы попросторнее рукава, чтоб кулаки могли пролезть,— и в самый раз боксеру полутяжелого веса!

Не менее оригинальным фасоном отличается мужская нательная сетка, приобретенная моим читателем Б. Ларионовым в московском ГУМе. Сразу даже не поймешь, что это такое: то ли сачок для ловли головастиков, то ли коллективная мужская безрукавка на три персоны. Да, изумительные шедевры трикотажного искусства!

Но давайте оторвемся от шедевров. Сегодня в моем универмаге проводится рационализаторское мероприятие. Из трех отделов образуется один — писчебумажно-кондитерско-обувной. Не удивляйтесь объединению столь разнородных на первый взгляд товаров. При более близком знакомстве в них нетрудно обнаружить некие общие и весьма неожиданные свойства. Вот, пожалуйте...

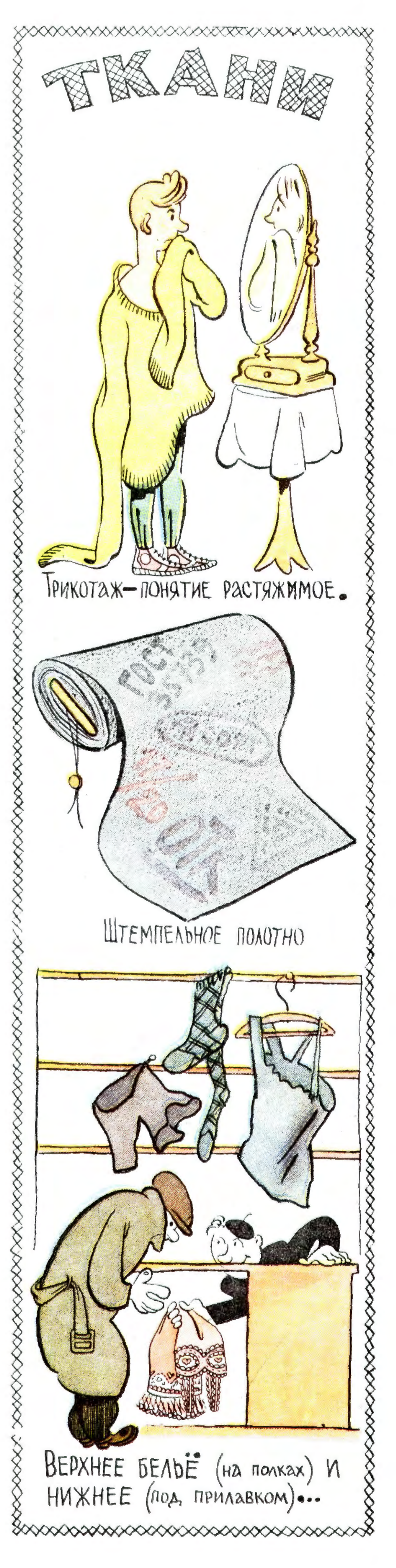
Почтовый набор (10 конвертов и 10 листов бумаги), выпущенный Рижской картонажной фабрикой № 1. Бумага нормальная, конверты «сюрпризные»: с заботливой предусмотрительностью они уже наглухо заклеены. Остается только надписать адрес и... Ах, да, ведь надо еще вложить письмо! К сожалению, этого мелкого обстоятельства предусмотрительные картонажники как-то недоучли...

Тот же «принцип заклеенного конверта» с успехом применен при выпуске ириса «Забава» рижской кондитерской фабрикой «Лайма». И в результате... кому забава, а потребителю огорчение. Хочется ему съесть соблазнительную ириску, но... видит око, да зуб неймет. Отодрать обертку от содержимого нет решительно никакой возможности: присохла намертво, словно ее столярным клеем смазали!

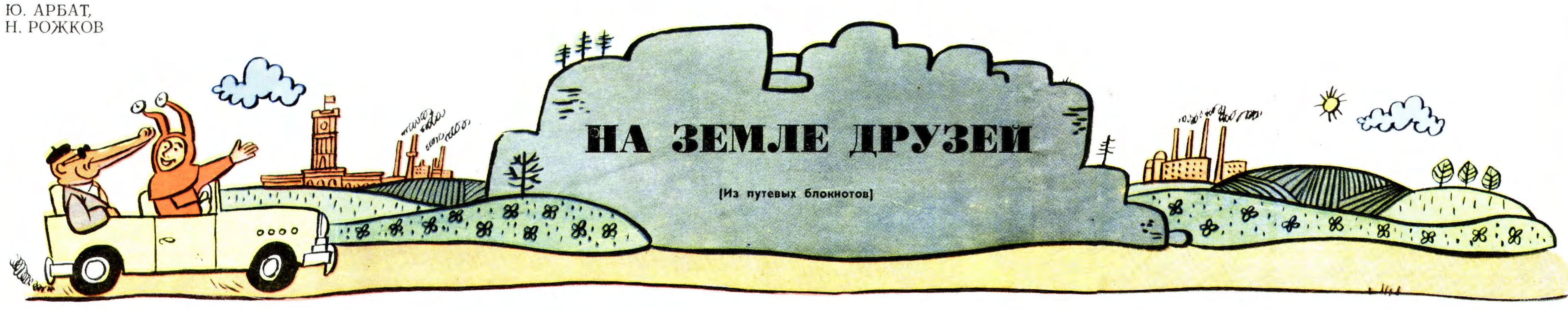
Но вот что особенно интригует меня как старого товароведа: какой клей применяется на Московской фабрике № 8 «Кожобувьпрома»? Лежит передо мной сморщенная стелька нежно-апельсинового цвета. Это «вещественное доказательство» прислал мой читатель из города Копейска горный техник И. Чурбанов. Купил он там пару штиблет, надел, пошел. Сделал сотню шагов — и вдруг чувствует под ступнями у него что-то скользко и мокро. Оказывается, нормальная температура человеческих конечностей для фабричного клея чересчур высока, и он моментально приходит в жидкое состояние со всеми «вытекающими» последствиями для стелек и для носков владельца.

Как видите, разнородные товары моего объединенного писчебумажно-кондитерско-обувного отдела вполне можно привести к одному знаменателю: то, что не надо, приклеивается, а то, что должно приклеиваться, отклеивается. Иначе говоря, с качеством упомянутой продукции дело явно не клеится!

...Извиняюсь перед почтенными посетителями моего универмага. Бегу на склад: там идет разгрузка новой партии наказательно-показательных товаров. О них в следующий раз.



Ю. АРБАТ,
Н. РОЖКОВ



НА ЗЕМЛЕ ДРУЗЕЙ

(Из путевых блокнотов)

Нас было двадцать восемь очень разных людей. И профессии у нас были разные. И жили мы в разных городах. Но нас всех объединила туристская поездка в Германскую Демократическую Республику.

Пятнадцать дней мы провели в ГДР. Вместе с нами путешествовали журналист Карл Культцшер и художник Луис Раувольф — сотрудники немецкого сатирического журнала «Ойленшпигель». Мы называли себя бригадой «Ойленшпигеля» и «Крокодила».

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ И ОДНА

Она стояла на перроне вокзала во Франкфурте-на-Одере, чистенькая, даже чопорная и, во всяком случае, для своих семи лет очень серьезная. Ее волосы были стянуты на затылке белой ленточкой, а хвост косички смешно торчал золотым султанчиком.

Всем своим видом девочка говорила миру, что никто не может заставить ее сойти с того места, где ее оставила мама.

Когда одна из советских туристок подбежала к ней и, бесцеремонно чмокнув в щеку, прицепила к синей вязаной кофточке пионерский значок, девочка смутилась, но тут же, сделав книксен, благодарно прошептала:

— Данке шён! (Большое спасибо!)

Синеглазая девочка была первой гражданкой демократической Германии, которую мы увидели, вступив на немецкую землю. Поэтому значки дарились ей особенно щедро. И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не дали отправление поезда.

Последний раз мы увидели девочку уже из окна вагона. Ее огромные синие глаза были подняты на маму. Девочка что-то торопливо объясняла ей, пересчитывая пальчиком значки.

А мама, увидев нас в окнах, тоже крикнула:

— Данке шён!

ОСЛИНЫЙ БАРОМЕТР

Сорок лет назад, в день свадьбы звонаря церкви святого Мартина, друзья подарили молодоженам забавную игрушку: на доске выжжен ослик с приклеенным веревочным хвостиком. Это, оказывается, своеобразный барометр. В углу справа — правила пользования им:

«Хвост сухой — на дворе хорошая погода.

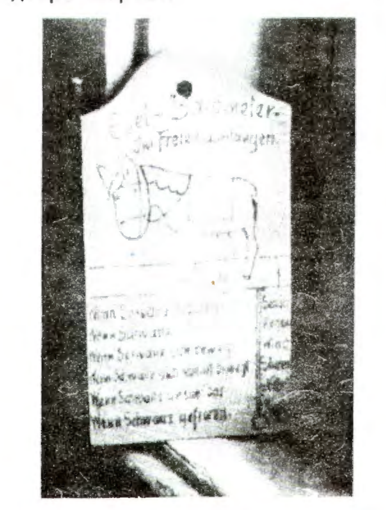
Хвост мокрый — идет дождь.

Хвост шевелится — на дворе ветер.

Хвост сильно качается — поднялась буря.

Хвост не виден — туман.

Хвост покрылся инеем — на дворе мороз».



Понятие «на дворе», конечно, очень относительно. Квартира звонаря — на самом верху колокольни. Он там живет с женой, дочерью и внуком. Семья привыкла к поднебесному существованию, но мы с трудом осилили двести тридцать восемь ступенек.

Заметив, что мы заинтересовались «ослиным барометром», старый звонарь сказал:

— Я с радостью подарил бы вам эту игрушку, но на нашем семейном совете было решено отправить ее в Бонн.

Мы удивились.

Старик объяснил:

— Видите ли, дело в том, что мой шуточный «ослиный барометр» ни разу никому не солгал. Этого не скажешь о боннских политиках. И кто знает, может, получив мой подарок, они кое-чему научатся у этого ослика?

Мы, понятно, не хотели вмешиваться во взаимоотношения старика с Бонном, но в душе поддержали его замысел.

«ЗЕР ГУТ»

Одного туриста у нас в группе прозвали «Зер гут». Он совсем не знал немецкого языка, а потом выучил единственную фразу, оказавшуюся пригодной на все случаи его туристской жизни.

Когда ему нравились горы в Бастае или доставляла удовольствие беседа с немцем в дрезденском Цвингере (разумеется, через переводчика), он произносил:

— Зер гут!

Попав в Лейпциге под сильный дождь и стряхивая под навесом входа в «Парк-отель» капли со своей соломенной шляпы, он, к удивлению швейцара, тоже произнес:

— Зер гут!

Скоро эти слова запомнили еще два наших туриста, и небольшой, но спевшийся мужской хор, провозглашавший «зер гут», можно было услышать и на фабричном дворе в Пирне, и в старом замке Кёнигштейн, и во многих других местах. (Увидеть этот хор вы можете на четырех рисунках Луиса Раувольфа.) И наши хозяева понимали, что туристы выучили эти два слова не только для того, чтобы сделать своим хозяевам приятное, но и потому, что очень многое в демократической Германии действительно «зер гут».

МИЛОЧКА В ЕВРОПЕ

Среди двадцати восьми туристов была и Милочка. Не будем называть ее фамилию, но несколько сказанных Милочкой фраз должны быть преданы гласности:

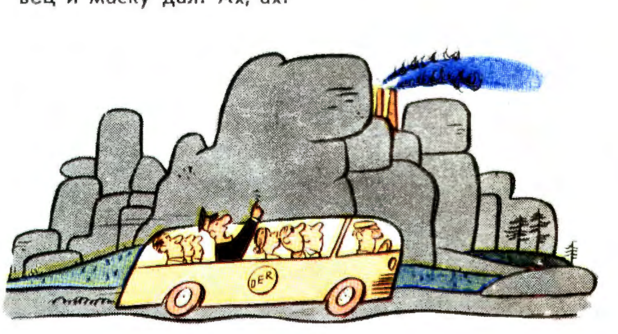
— Через час я интурист. Ужасно, знаете, волнуюсь. Побегу переодеваться: надену зеленое платье с воланом и двумя вырезами...

— Заметили? Немки ходят в узких брюках. Много причесок фасона «перестаю причесываться». Я тоже перестаю. Нельзя отставать от Европы. Но как же быть с брюками?!.

— Целыми днями смотрим заводы, кооперативы, дворцы, музеи. Когда же будем смотреть магазины?..

— Купила шляпку-чудо! Смотрите, птичье гнездо, а посредине виноград и груши. Продавец мне вместе со шляпкой даже карнавальную маску дал!..

— Ах, вы представляете: ведь моя чудо-шляпка — просто шляпа для карнавала! Потому-то продавец и маску дал! Ах, ах!



Как говорится, в семье не без урода. Хорошенькая Милочка была нашим уродом.

ФОТОКИНОВИРТУОЗ

Среди туристов был яростный фотолюбитель. Взгляните на рисунок: если Луис Раувольф и преувеличил, то очень немного. Все удивлялись: неужели ему не хватает одного фотоаппарата? Мы спрашивали об этом, но он все отмалчивался. А когда с этим же вопросом подступили немцы, наш любитель признался:

— У меня, понимаете, свой аппарат, испытанный в путешествиях по родной стране. А накануне отъезда заявляется ко мне сосед с таким же «Зорким», как у меня:

— Будь другом, поснимай!

Я его уверяю, что у меня свой есть, а он умоляет:

— Хочу, чтобы мой аппарат вместо меня побывал в Германии. У меня, понимаешь, экзамены.

Он, видите ли, студент географического факультета.

А потом председатель месткома вручил мне этот портативный киносъемочный аппарат:

— Мы потом ленту в клубе прокрутим!

...В конце концов довольны остались все: и сам фотокинолюбитель, и его сосед-студент, и председатель месткома, и наши немецкие друзья. В объектах для съемок недостатка не было.

ЧТО БЫЛО БЫ...

Каждый турист рассчитывал встретиться с немецкими товарищами по профессии: врачи — с врачами, электрики — с электриками и так далее. И каждый накупил в Москве уйму сувениров для друзей: альбомов с видами Москвы, открыток, значков. В некоторых городках мы были первыми туристами из Советского Союза, так что сувениров в конце концов все-таки не хватило. Благодаря за подарки, немецкие товарищи шутили:

— Если бы все ваши подарки собрать и положить на один стол, даже самая крепкая дубовая доска не выдержала бы!

Луис Раувольф именно это здесь и изобразил: что было бы, если бы...



УРОК РУССКОГО ЯЗЫКА

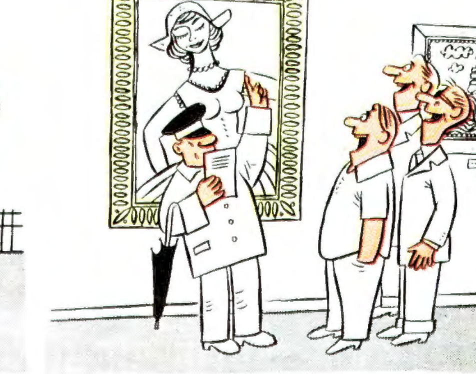
С немецкими школьниками мы встречались и в Берлине, и в Лейпциге, и в Дрездене. В Бад-Шандау, маленьком курортном городке Саксонской Швейцарии, десятки школьников шумными стайками разлетелись по нашим номерам в «Эльб-отеле». Девочки, похожие на хрестоматийных Гретель, принесли огромные букеты цветов из школьного сада и, краснея, делали книксен. Загорелые мальчишки в коротких кожаных штанах деловито предлагали поменяться значками, марками, спичечными коробками. Каждый турист из нашей группы подписал не менее полусотни открыток с адресом сына или дочери и столько же адресов получил в ответ.

Когда настало время нашего отъезда на родину, ребята не учились: был Киндертаг (День детей). Но один урок все же состоялся — необычный урок русского языка возле «Эльб-отеля», где уже дожидался нас желто-красный автобус. Ребята вытаскивали из карманов последние сувениры, выпрошенные у родных и старших товарищей ради такого торжественного случая, и, наморщив лоб, произносили русские фразы, выученные досрочно. Ведь русский язык проходят, начиная с пятого класса, а наши друзья были четырехклассниками. В ответ на «До свидания» мы говорили ребятам:

— Аллес гуте! (Всего хорошего!)



— Зер гут!



— Зер гут!




— Зер гут!



— Зер гут!

Шпейдель в темном переулке

«Тишина немая в улицах пустых, и не слышно лая псов сторожевых». Тьма спустилась на землю, окутав густой пеленой города и казармы. Спит Западная Европа.

Прислушайтесь внимательно, и вы услышите в ночной тишине чьи-то крадущиеся шаги. Если у вас хорошее зрение, вы сможете различить темную фигуру. Она осторожно пробирается меж домов, то и дело оглядываясь по сторонам.

Кто это? Вор? Грабитель?

Хуже. Это шпейдель.

В последние годы объявилось на белом свете (или, лучше сказать, в Старом свете) немало шпейделей. Это гитлеровские последыши, с помощью доллара карабкающиеся к власти.

А Шпейдель, о котором сейчас идет речь, является самым видным шпейделем. Его фамилия даже пишется с большой буквы — генерал Шпейдель, командующий сухопутными войсками НАТО в центре Европы.

Это он крадется по некоторым европейским столицам, «аки тать в нощи».

Военный преступник Шпейдель знает, что его палаческая деятельность в странах, оккупированных в свое время Гитлером, отнюдь не забыта. Он знает, как население относится к шпейделизации Западной Европы. Вот почему пребывание его в этих городах строго засекречено.

Недавно он посетил Гаагу. Жители голландской столицы не увидели фашистского генерала. День его приезда был официально назначен на вторую половину июня, а пожаловал он недели на две раньше, дабы, как пишет голландская католическая газета «Де фолкскрант», «избежать нарушения порядка».

Кроме того, это был не день его приезда. Это была ночь его приезда. При дневном свете сей храбрый воитель не осмеливается высунуть наружу свой коричневый нос.

Конфузливые атлантические джентльмены пытаются скрыть Шпейделя, как дурную болезнь. Они не осмеливаются хвастать этим благоприобретенным командующим.

Не так давно западногерманская газета «Вестдейче альгемейне» напечатала статью, посвященную «церемонии в Фонтенбло» по случаю вступления Шпейделя на новый пост.

«Устроители церемонии отказались от большого парада и ограничились парадным маршем в миниатюре, который к тому же происходил под защитой стен штаб-квартиры».

Почему они отказались от парада? Скромность обуяла, что ли?

Нет, причина совсем иная: страх перед народом. Западногерманская газета признаёт:

«Шпейдель и французские генералы, как известно, уже привыкли друг к другу. Что же касается сближения (!) Шпейделя с французским народом, то для этого потребуется, вероятно (?), более длительный срок».

Французский народ в отличие от некоторых французских генералов не привык к шпейделям и, надо добавить, никогда не привыкнет. И не «вероятно», а наверняка.

Никогда не привыкнут и народы других западноевропейских стран. Кстати, лондонская консервативная газета «Санди диспетч» сообщает о том, что английские и французские солдаты «упорно отказываются салютовать генералу Шпейделю».

Короче говоря, Шпейдель до конца своих дней останется нежелательным гостем и в Париже, и в Гааге, и во всех других европейских столицах. И не только в столицах.

Г. РЫКЛИН

На медицинские темы

К вопросу о нервных припадках

Нос Дэвида Лоуренса, издателя и редактора вашингтонского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», причиняет своему хозяину немалые страдания. За примерами недалеко ходить. Поведя на днях принадлежащим ему органом обоняния и понюхав окрест себя, мистер Лоуренс впал в болезненное состояние. Нет, он обнаружил в атмосфере не смертоносный стронций-90 и не какой-нибудь другой зловредный продукт ядерных взрывов. Чутье мистера Лоуренса не обладает совершенством счетчика Гейгера и не отмечает в окружающей среде наличие радиоактивных частиц. Зато оно болезненно реагирует на другие международные атмосферные явления.

— Воздух насыщен переговорами о разоружении! — с ужасом констатировал издатель-редактор.

Этой причины оказалось достаточно, чтобы вызвать у мистера Лоуренса нервный припадок, о чем он и поспешил сообщить своим читателям.

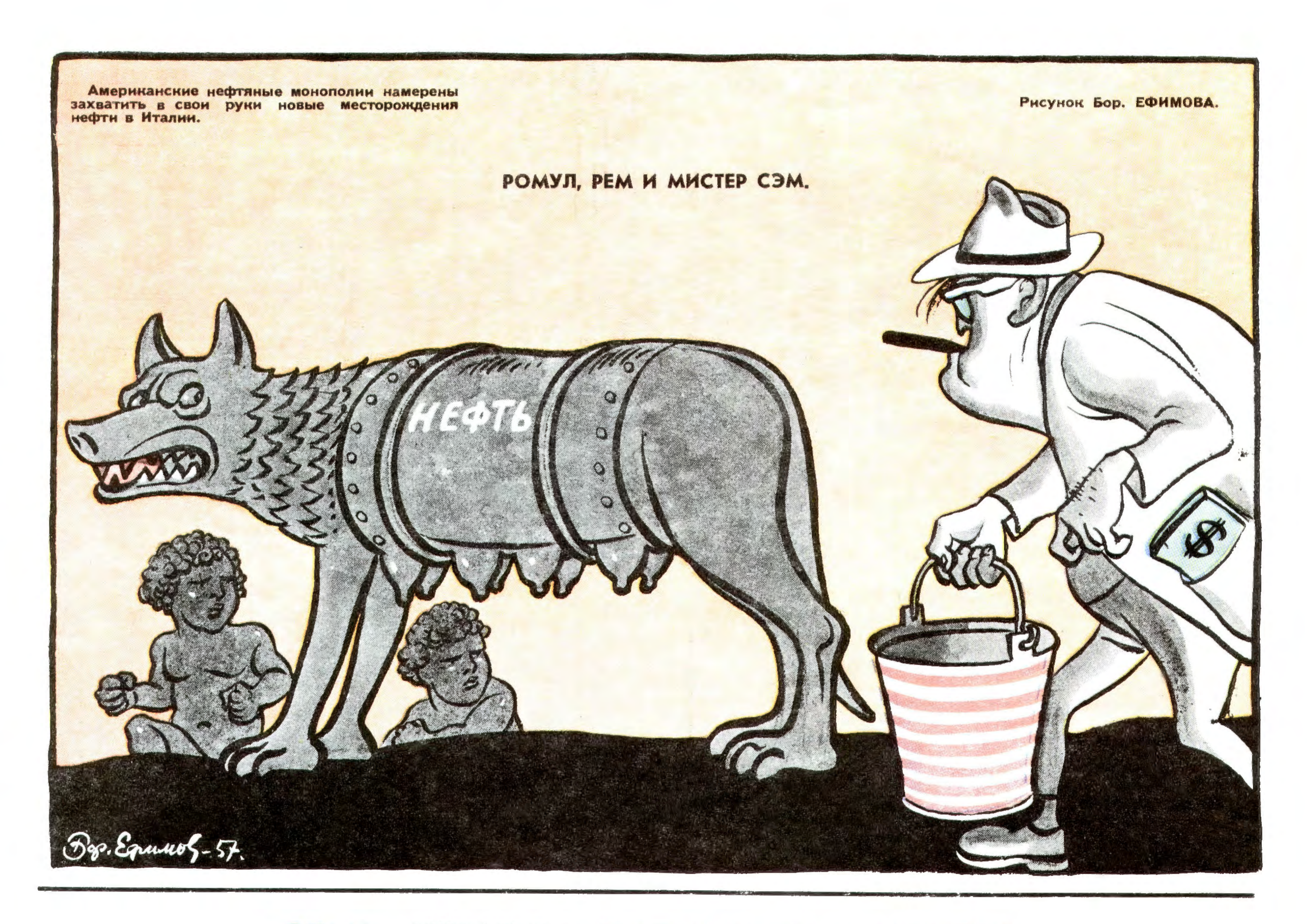
— Мы капитулируем! Советский Союз организовал заговор, чтобы заставить Америку прекратить испытания ядерного оружия! — возопил вашингтонский неврастеник.

Дэвид Лоуренс не впервые теряет психическое равновесие. «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» лучше, чем любая история болезни, запечатлел кривую душевного состояния своего владельца. Любители медицины (да и не только медицины) могут обнаружить здесь и воинственные призывы к войне, и прославление атомно-водородного оружия, и панический страх перед мирными переговорами, и другие данные, дающие основание поставить неутешительный диагноз:

«Агрессивные припадки, сопровождающиеся излитием желчи на страницы собственного печатного органа».

Лечиться надо Дэвиду Лоуренсу. Успокоительные таблеточки принимать. И до еды и после. И даже еще чаще.

Д. МИХАЙЛОВ



СЕМЬ ЧЕРНЫХ ПЯТНИЦ НА НЕДЕЛЕ

Когда стало известно, что жители Тайваня разгромили американское посольство в Тайбэе, многие американские газеты постарались сохранить веселый вид. «Незначительный инцидент»,— писали о событиях в Тайбэе американские газеты. Однако вскоре комментаторы почувствовали, что они мало чем отличаются от чудака, который плясал на похоронах. Госдепартамент в смятении, а пресса все твердит о «незначительном инциденте»!

Пришлось сменить пластинку пропагандистского патефона. Второпях поставили старую, запетую песенку о «коммунистических интригах». Но это уже давно не помогает. Никто не стал слушать. Тем временем цепная реакция, вызванная взрывом народного гнева в Тайбэе, прокатилась по всему миру. Даже воинственный Болдуин в газете «Нью-Йорк таймс» с перепугу проговорился о «растущем значении антиамериканских настроений в Японии». «Ньюсуик» подхватил этот жалобный стон истерзанной души и уже скулил по поводу «серьезных инцидентов в Германии и даже в Англии». И вот уже вся американская буржуазная пресса кричала о «черной пятнице на Тайване».

Скоро выяснилось, однако, что у дяди Сэма не одна черная пятница. У него семь черных пятниц на неделе. Телеграф передал, что кандидат на пост президента Филиппин мэр Манилы Арсений Лаксон сказал: «Сейчас во всей Азии ненавидят американцев». Тревожные сообщения шли из всех стран Азии и Африки.

Платные оптимисты начали срочно искать друзей в Европе. Тщетные поиски! Всюду положение американских гостей оказывалось очень похожим на положение одного из героев басни Крылова: везде, где он побывал, успел нашкодить. И даже там, где осталась последняя надежда получить поддержку, зарезал теленка.

Американцы, живущие во Франции, избегают ходить в гости к жителям этой приветливой страны. Почему? «Французы,— жалуется журнал «Сатердей ивнинг пост»,— каждую минуту кстати и некстати говорят нам о том, в чем мы виноваты».

В крайнем случае можно было бы и не ходить в гости. Но, оказывается, даже проехать по улицам прекрасного Парижа на машине нередко означает для американца нарваться на неприятности. Иногда янки, оставивший на улице свой автомобиль, находит его забросанным помидорами. Разумеется, гнилыми. Может быть, расстроенный янки считает, что и это «некстати»? Но, увы, французы, видимо, убеждены, что это как раз кстати.

Американец едет в свое посольство: хоть там отдохнуть душой. В посольстве ему показывают груду писем французов, проклинающих дядю Сэма — «союзника», который губит Францию. Да что там почта! Если бы были только письма, еще полбеды. Французы прилагают к письмам в знак протеста американские ордена, полученные в дни второй мировой войны. Напуганный и удрученный американец решает, что во избежание новых огорчений лучше сидеть дома. Желая отвлечься от мрачных мыслей, он берет юмористический журнал. Вся первая его страница посвящена высмеиванию американцев. Он развертывает газету «Фигаро». «Здесь-то, надеюсь, все будет прилично. Эта газета никогда не обижала американцев». Через минуту янки бросает газету с таким ужасом, будто его ужалила змея. На первой странице «Фигаро» предсказывает, что франко-американской дружбе угрожает серьезная опасность.

На следующий день заокеанский гость уже не решается ехать по Парижу в собственной автомашине: в самом деле, трудно завоевать популярность, следуя по улицам нарядной столицы в лимузине, заляпанном гнилыми помидорами! Он вызывает такси. Шофер такси, узнав, что пассажир — американец, решительно говорит: «А ну-ка, очистите машину, мсье!»

Описывая такие злоключения янки, американский журналист Эрнест Хаузер заявляет:

«Никогда престиж США не был столь низок во Франции. Никогда мы не были столь непопулярны».

После хорошо оплаченных восторгов Хаузер и его редакция ударились в малорентабельные слезы. Утешить их нечем. Какая уж там популярность, когда во Франции даже буржуазная пресса называет американцев колониваторами и, явно намекая на внешню политику США, вспоминает историю штата Массачузетс! Тогда премии составляли от ста долларов за скальп воина-индейца до пяти долларов за скальп индейской девочки моложе десяти лет.

Французы не зря вспоминают историю. Обиженный Эрнест Хаузер приводит типичное высказывание одного парижанина:

«Видите, что осталось от нашей славной нации,— жалкий сателлит Соединенных Штатов».

Почему же обижаются Хаузер и другие? Почему они требуют, чтобы США любили за рубежом? Ведь предки хаузеров, захватчики Массачузетса, не настаивали на том, чтобы жертва, с которой они снимают скальп, клялась им в любви и дружбе! Даже у этих неотесанных молодчиков-живодеров хватало такта не затрагивать столь щекотливой темы!

Юр. ЧАПЛЫГИН

И КОРОТКО И ЯСНО

Недавно в лондонской газете «Таймс» над статьей, посвященной падению покупательной способности фунта стерлингов, мы увидели такой выразительный заголовок:

Не имея в виду сколько-нибудь умалить сообразительность изобретателя этого броского, лаконичного и в то же время очень содержательного заголовка, мы, в свою очередь, предлагаем редакторам «Таймс» следующие виды столь же немногословных заголовков.

К статье о росте расходов на гонку атомных вооружений:

К заметке о том, как представляют в британских правящих кругах наикратчайший путь к решению проблемы разоружения:



К сообщению о том, как английские войска насаждают западную цивилизацию в Кении и на Кипре:

А вот таким заголовком

???

можно было бы увенчать статью на тему: почему некоторые ответственные английские политики до сей поры не хотят поставить на «атлантической» политике окончательный.



Рисунок Ю. ГАНФА.

В Западной Германии намечается «международный» слет бывших эсэсовцев.



ВСТРЕЧА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРОГО И ТОГО СВЕТА

Й. Х. РЁЗЛЕР

В эту самую минуту...

В эту самую минуту, дорогой читатель, в Страсбурге многие сотни и тысячи порций гусиной печенки укладываются в небольшие коробочки для экспорта в различные страны.

Во фленсбургских коптильнях девушки снимают с крюков еще не остывших угрей и аккуратно укладывают в деревянные ящики — по двадцать восемь штук в каждый. У ворот коптилен стоят грузовики, уже доверху нагруженные этими продолговатыми ящиками.

В эту же самую минуту в тысячах гастрономических заведений Европы — в Лондоне и Париже, в Осло и Амстердаме, в Брюсселе и Риме, в Мадриде и Барселоне, в Мюнхене, Гамбурге и Дюссельдорфе, в Цюрихе и Женеве — на хорошо смазанных вертелах в красных язычках пламени поджариваются соблазнительно сочные цыплята; в тысячах сияющих медью кастрюль кипят в масле усыпанные алыми пятнышками форели, выловленные в бурных горных потоках; золотистые апельсины разрезаются на четвертушки и укладываются вокруг поджаренных на сливочном масле ломтиков мальтийского картофеля.

В Алькудии, на острове Мальорка, из моря вытаскивают на берег тугие сети, полные длиннохвостых лангустов. Их хватило бы, чтоб накормить поголовно всех жителей десятка больших городов.

С Гельголанда в глубоких корзинах привозят тяжелых черных омаров. Пароходные трюмы ломятся от этих корзин.

В Сете и Лим-фьорде на целые километры растянулись великолепные устричные отмели.

В этот же момент на лугах и в садах всех частей света мириады пчел перелетают с цветка на цветок, собирая сладчайший нектар. Одновременно в других местах золотой поток меда наполняет стеклянные банки, услужливо подставляемые механическим конвейером.

На фабриках каждый час партиями по 500 штук отправляются на убой утки, именно в данный момент достигшие восьминедельного возраста. Уток ощипывают, потрошат, замораживают.

В эту самую минуту 90 миллионов кур, выполняя свое жизненное призвание, готовятся снести яйцо. Бесчисленные пекари в городах и деревнях вынимают из печей поджаристые караваи хлеба. Повозки всех видов и типов везут высокие металлические бидоны, в которые будет налито молоко. Молоко, молоко... Каждый день в Европе его надаивают столько, что не хватило бы места в котловане Цюрихского озера. В хлевах всего мира торговцы осматривают быков, телят, овец, прикидывая, сулят ли они сочное жаркое, ощупывают свиней, пытаясь определить качество спинного сала, которое должно быть никак не толще четырех сантиметров. В дальневосточных странах крестьяне, их жены и дети, стоя по колено в вязком иле, сажают ростки риса. Ежедневно земля рожает столько риса, что на каждого обитателя нашей планеты приходится по две горсти.

Как благодатна наша земля!

И в эту самую минуту двое безработных сидят под одним из мостов Копенгагена. Судя по часам, время обедать.

— Ты сегодня что-нибудь ел? — спрашивает первый.

— Да, и уже не один раз — в мечтах,— отвечает второй.

Из западногерманского сатирического журнала «Дер дейче Михель».

Перевел В. БОЕВ.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Рисунок ШАНДОРА КАРОЯ (Венгрия) для «Крокодила».



— Все подготовлено к совещанию!
— Конечно! Вот смелая критика товарища Ковача против вас, а это ваша покаянная самокритика.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ЗАПРЯГАЙТЕ, ХЛОПЦЫ, КОНЕЙ!..

ГНЕДОЙ: — Говорят: «Была бы шея, хомут найдется». А у нас шеи-то есть, но хомутов председатель райпотребсоюза завезти не догадался!

С. МАРШАК

Иллюстрации Бор. Ефимова.

Из английских эпиграмм

ЛИТЕРАТУРНЫЕ «ВОСПОМИНАНИЯ» ОДНОЙ ЛЕДИ

Мисс Ви́лькинсон сказала нам,
Что с ней встречался Во́рдсворт сам.
И славный Ко́льридж Самуил
С ней тоже как-то говорил.

Она в колясочке своей
Дремала на лугу.
И два певца, склонясь над ней,
Промолвили: — Агу!

А эта леди юных лет,
Услышав их слова,
Великим классикам в ответ
Воскликнула: — Уа!



ЗАГАДОЧНАЯ ЖЕНЩИНА

Моля о свиданье опять и опять,
Не тронул я сердца прелестницы...
Хоть женщинам свойственно чувства скрывать,
К чему меня сбрасывать с лестницы!



О СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЕ

В писании сказано: мужа с женой
Считать полагается плотью одной.

Но Дугласа с тощей его половиной
Считают не плотью, а костью единой

ЭПИТАФИЯ СПЛЕТНИЦЕ

Здесь лежит мисс Арабелла,
Не она, а только тело.

Будь она здесь целиком,
То болтала б языком.

МЕЧТЫ ЖИТЕЛЯ ТИМБУКТУ

Будь я крупного размера
Казуар иль крокодил,
Я бы враз миссионера
С книгой гимнов проглотил!





Экскурсантов мы приняли, как всегда, приветливо. Водили их по хозяйству, давали объяснения:

— Вот свинарник...

— А это птичник...

Словом, все шло нормально. Вопросы, конечно, задавались, но мы к ним привыкли. Отвечали, как по нотам:

— Надой на фуражную корову? Пожалуйста, 2 206 килограммов...

— Себестоимость молока? Извольте, 73 копейки килограмм...

— Ах, чем кормим? Кукурузным и люцерновым силосом. Концентраты, сами понимаете, идут с перебоями.

Через три часа экскурсанты откровенно начали зевать.

«Самая пора заканчивать показ наших достижений»,— подумал я и уже хотел сказать прощальную фразу: «Ну, вот и все, дорогие гости, не обессудьте»,— как нашего председателя Смирнова внезапно обуял бес тщеславия, и он, выступив вперед, возгласил:

— А теперь мы вам покажем новый коровник — выдающееся сооружение современности. В своем роде монумент.

Гости без особого энтузиазма отнеслись к этому заявлению, но, как люди воспитанные, не возражали и покорно поплелись за полтора километра к месту новостройки. Я давал квалифицированные объяснения, как заправский гид:

— Коровник стандартный, четырехрядный, кирпичный, на бутовом фундаменте, поверху бетонная связка, предполагается полная механизация.

Но на самом интересном месте мои объяснения прервал один из гостей, востроносый, сухощавый старичок:

— Извиняюсь, и давно вы воздвигаете это выдающееся сооружение современности?

Деваться некуда, отвечаю:

— Три года назад начали.

— Угу,— мычит в ответ старик.— Действительно, произведение искусства... А еще я интересуюсь, почем обойдется койко-место? Виноват, ошибся, стойло-место, или, если хотите, корово-место.

Я ищу глазами председателя, а его и след простыл. Выходит, главный удар надо принимать на себя. Набираюсь мужества, называю точную цифру.

— Так это же, граждане родимые, не коровник, а будуар! — кричит старик.— Восемь квадратных метров за три с половиной тысячи рублей! Наверное, паркетом решили полы застилать? А стены под мрамор пустите? Ванная, конечно, на каждую животину?

Тут хохот начинается, реплики всякие. А меня злость берет. Ведь не мы же сочинили проект этого «будуара». Да и строить-то его, по правде сказать, не хотели. На нас из райкома нажали: дескать, к вам экскурсии за опытом приезжают, а вы им будете обычные коровники показывать? Нехорошо, некультурно.

А старик не унимается:

— Во сколько же влетит весь дворец?

— Тысяч на семьсот потянет.

И посыпались вопросы:

— Сколько же вам понадобится таких памятников архитектуры, чтобы разместить все поголовье?

— Четыре,— отвечаю честно.

— Дельно! Три миллиона за коровники! — продолжает язвить старик.— Этак у вас молочко будет по четыре рубля за килограмм!

Одна девица, которую я раньше и не примечал, со своей стороны кольнула:

— Дворец-то ваш ненадежный. Верхняя бетонная вязка давит на кирпич, а он, как песок, рыхлый. Того и гляди, стены рухнут.

Третьим отозвался рослый мужчина в сером пиджаке:

— Да и под уклон его поставили, дворец-то. Одна стена выше другой на полтора метра.

Я стою, что отвечать, не знаю, готов сквозь землю провалиться...

* * *

Просим извинения, читатель. Рассказ и рассказчик нами выдуманы. Зато все остальное — правда. Коровий дворец существует. Запишите адрес: Киргизская ССР, Иссык-Кульский район, колхоз «Новый путь». Здесь и строится этот «памятник архитектуры», который регулярно пожирает все фонды района на лес и кирпич и уже обошелся без малого в миллион. Вас интересует, для кого же его строят, для коров или для экскурсантов? Ответить не можем. Спросите у районных руководителей.

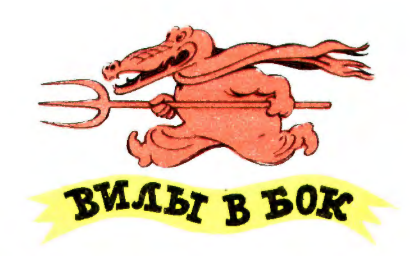
А. ТРЕТЬЯКОВ, С. БЕТЕВ

гор. Фрунзе.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

ШТАМПФИЛЬМ

Художественные фильмы, выпускаемые различными киностудиями, страдают однообразием сюжетов.



О плавающих и путешествующих

Письмо с московским штемпелем любезно уведомляло, что столичный завод «Красный пролетарий», идя навстречу уважаемому заказчику — Свердловскому инструментальному заводу,— отправил ему пять токарных станков в ускоренном порядке.

— Замечательно! — радовались свердловчане.— Просто удовольствие — иметь дело с таким чутким поставщиком!

Месяц спустя они уже не радовались, а недоумевали:

— Что за оказия! Куда же девались наши станки?

Были предприняты энергичные розыски. Тут-то и выяснилась удивительная история с геометрией. Оказалось, что деятели отдела сбыта завода «Красный пролетарий» в грош не ставят старика Эвклида, который утверждал, что прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. И вот вместо того, чтобы отправить станки в Свердловск по железной дороге через Казань, они отправили их... водным путем через порт Химки и Молотов.

В общем, «ускоренное» путешествие срочного груза проходило довольно скучно: с 26 марта он без малого месяц вылеживался в Химках до начала навигации; по прибытии в Молотов долго ждал выгрузки на берег, а затем — улита едет, когда-то еще будут вагоны для отправки станков из Молотова!

...В день, когда пишутся эти строки, Свердловский инструментальный завод отмечает скорбную дату: трехмесячное и все еще бесплодное ожидание злополучных станков, плавающих и путешествующих по милости «чуткого поставщика».

Музыкальная петрушка

Поддавшись влечению сердца, житель города Днепродзержинска тов. Каженко приобрел баян, изготовленный полтавской фабрикой. Но коварный инструмент упорно не желал услаждать слух владельца, ибо был с дефектом.

Своим горем Каженко поделился с руководителями полтавской фабрики и вскоре получил утешение в письменном виде. Отсутствие знаков препинания в этом документе с успехом восполнялось оригинальным правописанием. Приводим все послание целиком:

«тов. Каженко в ваше баяне очень малый недостаток это могло случится при транспортировке и не брежной хранении на базах. Вам нет смысла высылать на ф-ку неисправность очень малое мы отремонта не отказываемся. Но это может в пути случится такая же петрушка. Желайте высылай ту часть которую вы нашли не исправной в наш адрес. Нач. ОТК Роднонов».

Что и говорить, здорово сказано! Используя для дальнейшей переписки тот же лексикон, можно сказать так: «Желайте высылай ответы, доступные человеческому разумению, а не такую петрушку».

ЧЕЛОВЕК И ПАРОВОЗ

Директор столичной автобазы тов. Драгошанский в первом часу ночи ехал в служебной автомашине по Богородскому валу. Едет он и вдруг видит: путь перегораживает пестрый шлагбаум. Что за оказия! Драгошанский выскочил из машины:

— Эй, люди! Кто тут заведует этой штукой? Ко мне!

Пред очи Драгошанского явилась сторожиха железнодорожного переезда.

— Открывай свое хозяйство! Быстро!

— Нельзя, милый, открывать,— рассудительно сказала сторожиха.— Видишь, на заводской ветке паровоз маневрирует. Поедешь, он тебя и раздавит.

— Меня? Паровоз? Да ты что, сдурела?! Я депутат. Открывай сейчас же!

— Не положено,— сказала сторожиха и хотела уйти в свою будку.

— Постой, баба! Смотри, что такое власть! — отчаянно крикнул Драгошанский и выбежал на рельсы.— Стоп, машина! — исступленно кричал он паровозу.

И что вы думаете? Паровоз остановился. Прибежали работники завода товарищи Захаров, Летуновский и Рагулин. Они пытались образумить Драгошанского. Но Драгошанский осыпал работников завода бранью, а затем ударил Рагулина, разорвал рубашку Захарова, но тут прибыл мотоцикл с работниками милиции, и в действие на переезде включился капитан Хорошеньков.

— Не сметь меня трогать! Я лицо неприкосновенное!—крикнул ему Драгошанский.

— Ты не лицо, а хулиган,— раздался скептический голос из толпы.

Эта реплика на время отвлекла Драгошанского от милиции, и он пространно и красочно высказал свое мнение о том, кто бросил реплику, а заодно и обо всех остальных.

— Предъявите ваши документы,— потребовал капитан Хорошеньков.

— Я? Тебе? Документы?

И тут Драгошанский для начала ударил Хорошенькова. Капитан обладал поистине милицейским терпением. Он настоял на своем и получил документы...

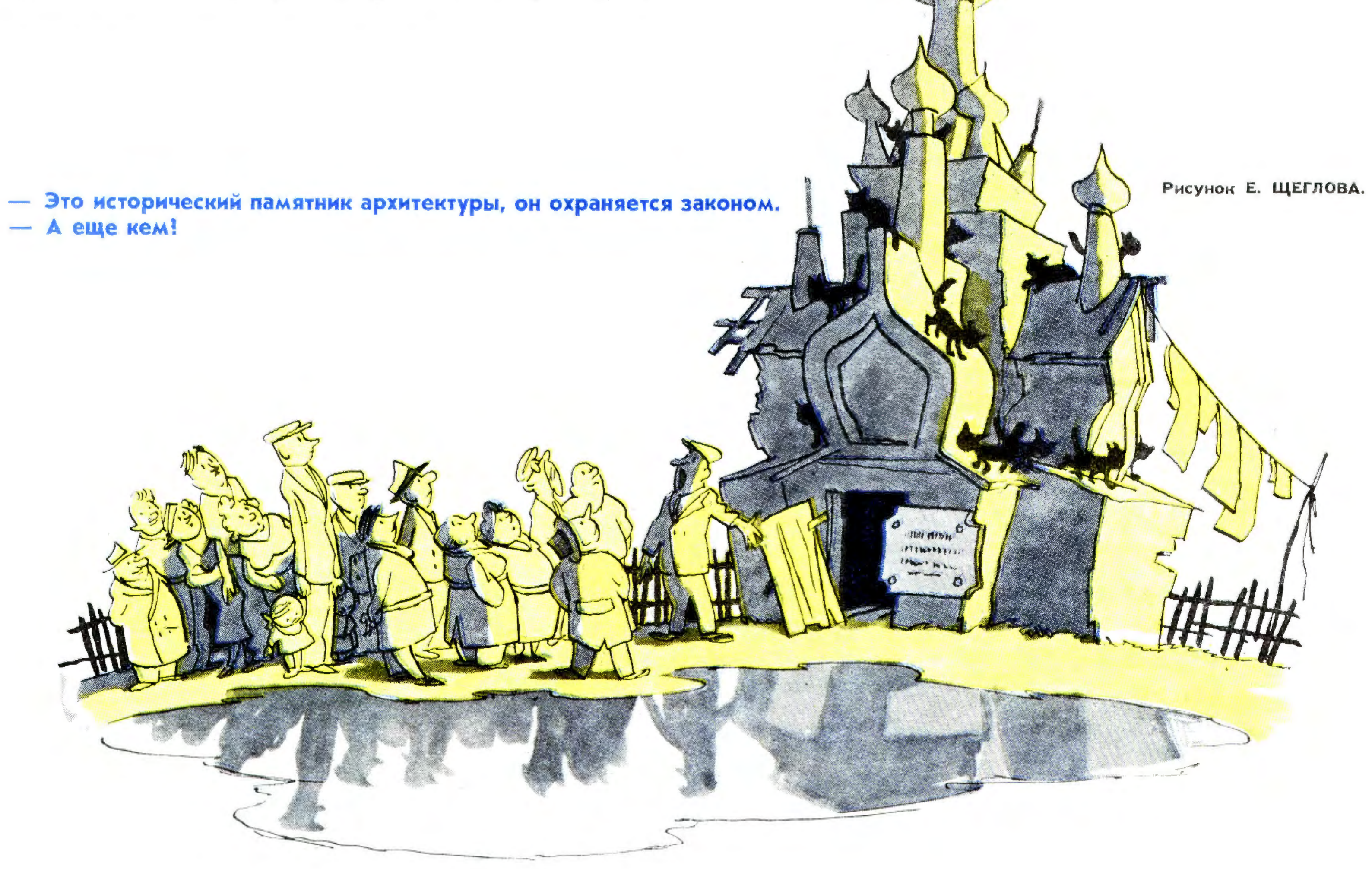
Да, хулиган Драгошанский оказался депутатом Сокольнического районного Совета. И, видно, он пользуется там большим доверием, если может по ночам пьяный разъезжать в машине заместителя председателя райисполкома.

Возникают в связи с этим два вопроса:

Для того ли Драгошанскому был вручен этот мандат?

Как долго еще этот мандат будет находиться в его руках?

В. Ардаматский



— Это исторический памятник архитектуры, он охраняется законом.
— А еще кем!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Рисунок Ю. СМИРНОВА.



ДАМА С СОБАЧКАМИ.

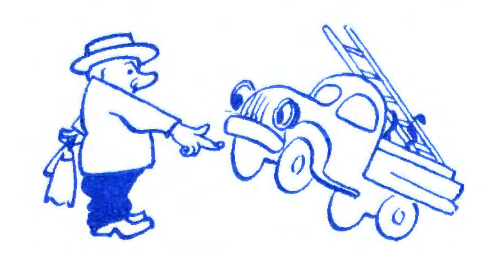
Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

С некоторых пор поговорка «Спешит, как на пожар» у работников Павловского машиностроительного завода совершенно вышла из употребления: ни к чему она там, где на пожар не спешат даже... пожарники. Ты только не подумай, что они сплошь лентяи и лежебоки. Просто директор завода тов. Невилько категорически запретил им выезжать в поселок без его разрешения или, в крайнем случае, без санкции главного инженера завода тов. Коноплева.

Давай подумаем, что получится, если в поселке загорится какое-нибудь строение, а товарищей Невилько и Коноплева не окажется ни дома, ни на работе. Огонь ведь — стихия несознательная, с приказами начальства не считается, свое дело делает довольно оперативно, без бюрократизма и волокиты. И потому пожарникам, явившимся наконец с разрешением начальства на пожарище, пожалуй, останется лишь любоваться на погасшие угли да утирать слезы погорельцам.



А представь себе такой прискорбный случай. Вдруг загорелся дом, где проживает сам тов. Невилько, в то время, когда он находится в отпуске. Любопытно, какой выход найдет из создавшегося положения пожарная команда?

И. ХУДЫНА

пос. Павловск,
Молотовской области.



ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Хотим тебе сообщить, что в нашем Молодотудском районе, Калининской области, появилась новая болезнь — «курофобия». Одержимые этим недугом люди всячески преследуют кур, стараются очистить от этой птицы подведомственную им территорию.

Внешние признаки «курофобии» различны. Например, председатели двух колхозов: «Земледелец» — В. А. Цветков и имени Калинина — Н. А. Сенчагов — попросту не покупают цыплят, и наличие пернатых там постепенно идет на убыль. Причем довольно быстро.

А у руководителя колхоза «Красное Поволжье» В. А. Иванова заболевание приняло такую форму: он приобрел несколько сот цыплят, но, избавив их от какого бы то ни было надзора, дал им полную возможность распоряжаться собой самостоятельно. И цыплятки, совсем недавно покинувшие яичную скорлупу, по своей неопытности то и дело попадали в когти ястребов и прочих хищников. За две недели цыплячье поголовье уменьшилось вдвое.

Анатолий Павлович Демидов, возглавляющий сельхозартель «Красное знамя», в приступе «курофобии» решил произвести эксперимент: он для колхозных кур устроил насесты в... свинарнике. Но несознательные свиньи не желали мирно сосуществовать с новыми жильцами. Между ними завязывались сражения, в которых агрессивные хрюшки постоянно одерживали победу. В результате в колхозе осталось семь кур и два петуха.

Просим тебя, дорогой Крокодил, сообщи в Калининское областное управление сельского хозяйства: пусть займутся лечением заболевших «курофобией». Ведь этот недуг приносит большой ущерб нашему району. В двадцати семи колхозах у нас насчитывается всего



полторы тысячи кур. Почти по полсотне на хозяйство! А если эпидемия будет прогрессировать, в скором времени не будет у нас, что называется, ни пуха, ни пера.

Н. НАЗАРОВ

с. Молодой Туд,
Калининской области.

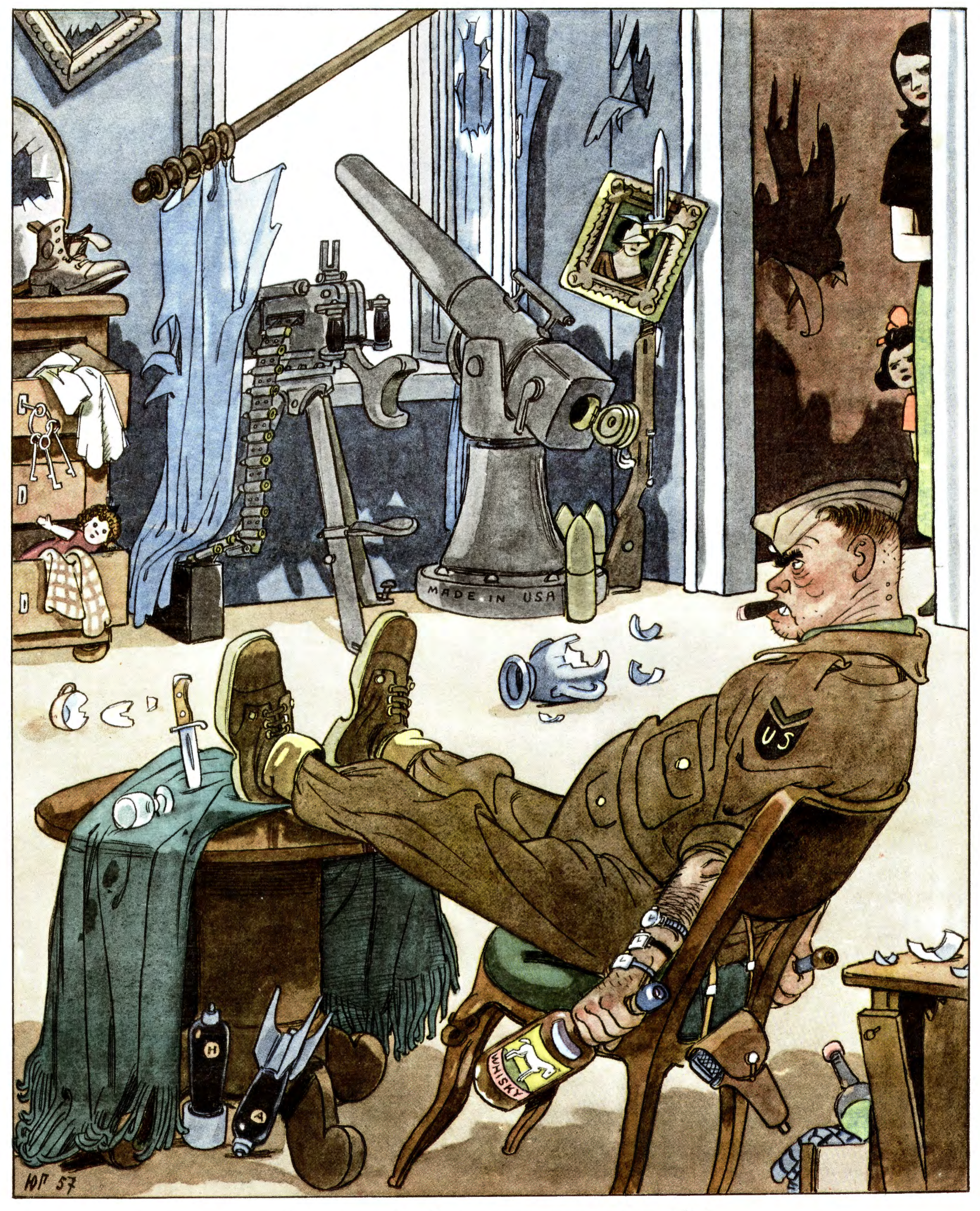
Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05293. Изд. № 833. Подписано к печати 29/VI 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Заказ № 1790. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Ю. ГАНФА.

ЯНКИ НА ЧУЖОМ ДВОРЕ



— Странное дело! Где бы я ни гостил, всюду меня не любят!..